Про Дуная

Как у ласкова князя да у Владимера
Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё,
Столованьицё-пирова́ньё да почестен пир.
Ищо все на пиру тут да напивалисе,
Ищо все на пиру гости наедалисе,
Ищо все на пиру да стали весёлы.
Ищо князь-от по горёнке ле да похаживā̄т,
Он сапог о сапог сам поколачивā̄т.
А шолко́выма кудёрышками принатряхивā̄т,
Говорит нонь тут да таково́ слово́:
«Ищо все у меня в городе, братцы, пожонены,
Красны девушки во Кееве да повыданы —
А един-то ведь я ноньце холо́ст хожу́!
А не знаити ли-ко мне боґосужону,
Боґосужону мне, боґоряжену?
Лициком была бела да ро́стиком с меня,
Ищо брови чёрны — да как у соболёв,
Ище́ оценьки ясны — да ясны, как у соколов,
А коса была роса́ — всё до́ пояса!»
И-за то же столику из-за за́днёго —
А по имени Берметá да сын Васильевич,
Вставал тут Берметá да на резвы́ ноги́,
Говори́л тут Берметá да таково́ слово́:
«Уж ты ґой еси, красно солнышко да Владимер-князь!
Как позволь-ко мне слово ноньце молвити,
Слово молвити да речь гово́рити!» —
«Говорите вы, гости, да што вам надобно!
Вы на то у мня, гости, были со́званы,
Вы на то у мня, гости, да были со́браны!» —
«Ище́ знаю я тебе да боґосужону,
Боґосужону тебе да боґоряжону:
Ростико́м-то с тебя да лициком6 бела́,
Ищо брови цёрны — да как у соболёв,
Ищё оценьки ясны — да ясны, как у соколов,
А коса-то роса́ — верно до по́еса!

(Ишь, заверят, что верно до по́еса!)
Ищé есь с кем тебе на постеле спать,
На постелюшке спать да на руке дёржать,
На руке-то дёржать да речь гово́рити,
А ищé есь кому нонеце нам поклон воздать!
А как знаёт нонь Дунай да сын Иванович:
Он служил тут нонеце ровно тридцеть лет».
(Вот сколько!)
Говорил тут Владимер да таково́ слово́:
«Наливайте ёму чашечку зелена́ вина́:
А не малу-велику — в полтора ведра!»
Принимаёт тут Дунаюшко одной рукой,
Выпивает Дунаюшко к одному́ духу́.
Говорил-то тут Дунаюшко таково́ слово́:
«Уж ты ґой еси, Владимир-князь стольне-киевьськой!
Как не врёт тут Бермята сын Васильевич:
Я служил тут у князя ровно тридцеть лет.
Ищé есь у ёго да две лебёдушки:
Ищо перва-то — Настасья-королевичня,
А вторая — кнегиня да свет Апраксея.
Как Настасье тебе не владать будёт:
Ище та полени́ца да преудалая!
А свет Апраксея — личико́м бела и умом крепка́;
Как сидит там во златы́х верха́х:
Не видала она света ноньце Божьего!»
(Он не спуска̄т ее никуда, она очень красива была.)
«Поезжай-ко, свет Дунаюшко, посватайсе!
А бери-ко-се силушки, сколько надомно,
Золотой казны тоже не по счетам!» —
«А не надо мне рать-сила великая!
Только дай мне одно́го телохранителя —
Как по имени Добрынюшку Микитиця».
Он писал тут ярлыки да скоропро́писных:
Не перо́м он писал да не чернилами —
Он писал он тут, наверно, красным золотом,
Отпечатал он тут да чистым се́ребром!
Ищé стали срежатисе да ско́рым-на́скоро,
Ищо конницков седлать да крепко-на́крепко.
А не видели поездочки боґатырския —

Во чисто́м-то поли только пыль пылит,
Только пыль-то пылит, да столб столбом валит.
А приехали ко князю да ко литовскому.
Говорил-то тут Дунай да сын Иванович,
Говорил-то Иванушко да таково́ слово́:
«Ох ты ґой еси, Добрыня, Добрынюшко Микитич блад!
Ты останьсе-ко здесь на широко́м дворе́,
Поддёржи-ко-се коней да под поводов —
Я пойду туда во гриднюшки во светлыя.
И́ще что ещо неустоечка — я ве́ску дам!»
Как пошол тут Дунай во гриднюшки во светлыя.
Уж тут крест кладёт по-писа́ному,
А поклон тут ведёт да по-учёному,
Ищо кланяитце он да на все стороны,
Уж как князю со кнегиною — на осо́бицю.
Говорил тут ведь князь да таково́ слово́:
«Уж ты ґой еси, Дунай, Дунай сын Иванович!
Ты приехал нам служить нонь верою и правдою?» —
«Уж ты ґой еси ноне, князь веры литовския!
Я приехал к вам не служить верою и правдою —
Уж приехал я к вам нонеце посвататьце,
Уж ту же лебёдушку свет Апраксею!» —
«Уж ты ґой еси, Дунай, Дунай сын Иванович!
Как за ети реци я за неумильния,
А за эти поступоцки нехорошия
Посажу я вас во по́греба глубокия,
Заморю я вас смёртоцкой голодною!»
Закипело тут серцё молодецкоё,
Расходилася да сила, сила боґатырская.
Выздымал тут Дунай да выше го́ловы,
Как ударил Дунай да во дубовой стол —
Розлетелса тут столик в мелки ры́чейки!
Так учул там Добрынюшка ле Микитич блад,
Да заскакивал Добрынюшка на добра́ коня́,
Уж как стал он по силушке поеждивать,
Уж как стал он силушку помахивать:
Как куда он махнёт — тут и улиця,
Как куда поверне́тця — так с переулками!
Говорил-то тут князь нонеце литовския:

«Уж ты ґой еси, Дунай, Дунай сын Иванович!
Ищо ети нам шутоцки боле не надомны!
(Выбил силу-то ведь он.)
Как уйми-ко ты своего товарыща:
Уж как будёт вам невеста заручёная!»
Он бросаёт на стол да золоты́ ключи́.
(Она под замком у него.)
Выходил тут ведь Дунаюшко на широкой двор,
Говорил ле тут Дунаюшко таково́ слово́:
«Уж ты ґой еси, Добрынюшко ле Микитич блад!
Ты не бей-ко-се рать-силу великую:
Ищо есь нам милось от Боґа Всевышнего,
Ищо будёт нам невеста заручёная!»
(Тот сейчас пошабашил бить.)
Побежал тут Дунаюшко во златы́ верхи́,
Отмыкал-то тут ведь Дунаюшко гридню светлую,
Говорил-то к Апраксее таково́ слово́:
«Уж ты ґой еси, свет ноньце Апраксея!
Как желаешь нонь замуж за князя Владимира?» —
«Уж я три года Боґу молиласе:
Как попась было за князя за Владимера!» —
«Дак срежайся-ко ско́рым нонь на́скоро!»
А средилася скорым да скоро-наскоро.
Как берёт ей Дунай за праву́ руку́,
А выводил он, Дунаюшко, на широкой двор,
Как заскакивал Дунаюшко на добра́ коня́,
Посадил он Опраксею позади́ себя.
Говорил тут князь ноньце литовски[я]:
«Уж ты ґой еси, Дунай да сын Ивановиць!
Как пойдите ко мне на широкой двор:
Ищо я вас, гостей, попотчую!» —
«На приезди-то гостя не употчовал —
А на пое́зди-то гостя не употчовать!»
(Вот тебе: сперва не употчовал, а теперь — как сел на коня!..)
Как поехали-то удалы да добры молодцы —
Уж и с утра едут день до вечера,
А со вечора едут до бела́ свету́,
Не пиваючи едут да не едаючи,
Ище́ коням отдо́ху да не даваючи.

Говорил-то Дунай да таково́ слово́:
«Уж ты ґой еси, Добрыня, Добрынюшка Микитич блад!
Уж ты ставь-ко здесь шатёр бел-полотненой:
Отдохнём от усталости великою!»
(Пристали.)
Как поставили шатёр да цернобархатной,
Как спали тут они да трое суточек.
(Вот как за́спали мужики!)
Выходил тут Дунаюшко из бела́ шатра́,
Побежал тут Дунай во белой шатёр,
Говорил-то тут Дунаюшко таково́ слово́:
«Уж ты ґой еси, Добрыня, Добрынюшко Микитич блад!
Ты ставай-ко, ставай ско́рым-на́скоро,
Ищо конничка седлай да крепко-на́крепко,
Как вези-ко-се невесту заруцёную
Ко тому же ко князю ко Владимеру,
Ко Владимеру-ту князю на широкой двор —
Как пускай они там примут да по злату́ венцу.
А ище́ я ноньце поеду да супротивиться:
Как идёт ведь там рать-сила великая!»
Как поехал тут Дунай да сын Иванович,
Как увидел тут во́ поли неприятеля —
Полетел тут Дунаюшко ясным соколом,
Ухватил он копейцё да долгомерноё.
Как не две-то туценьки сходилисе —
Ище́ два-то ведь молодца слеталисе;
Ище вышиб Дунай из седла́ долой,
Наступил тут ведь конь на белу́ю грудь.
(Неприятелю наступил, кони так обучены были!)
Как соскакивал Дунай со добра́ коня,
Как садилса Дунай на белу́ю грудь,
Говорил-то Дунаюшко таково́ слово́:
«Ище́ как тебя звать нонеце по́ имени,
Ище́ звеличать тебя по отечеству,
И какого ты роду, да роду-племени?» —
«Как сидела бы я на твоей груди —
Не спрашивала роду ни племени,
Не великого я твоего отечества:
Отворачивала латочки кольчужныя,

Как порола бы я белы́ груди,
Вынимала на ножу да ретиво сердцё!» —
«Какого ты роду, да роду-племени,
Как великого-то нонече отечества?» —
«Уж ты ґой еси, Дунаюшко Иванович!
Неужели ты не знашь Настасью-королевичню?»
Как скочил тут Дунаюшко на резвы́ ноги́,
Говорил тут Дунаюшко таково́ слово́:
«Сонимай-ко панцы́рь, латы кольчужныя,
Да срежай-ко ско́рым, да скоро-на́скоро,
А поедём-ко ли нонеце во Киёв-град,
Ище при́ем-ко там по злату венцю́!»
Ищо едут они нонече во Киев-град.
Как увидели тут нонеце князя Владимера:
Как идёт он во черковь да воскресеньскую —
Ищо хочёт примать он по злату венчу́.
Уж как принели они все по злату венчу́—
Заводилосе пиро́ваньё-столо́ваньё
У того же князя у Владимера.
Ище́ все на пиру да напивалисе,
Ище́ все на чесном гости наедалисе,
Ище́ все на пиру да стали ве́сёлы,
Ище́ все на пиру приросхвастались:
Ище́ ме́ньшой-от хваста́т своёй храбросью,
А второй-от хваста́т своёй си́лушкой,
А ищо третьей-от хваста́т да золото́й казно́й —
А сидит-то Дунай да сын Ивановиць:
«Ище́ нечем мне, Дунаюшку, похвастати:
Как достал-то я ведь нонь да две лебёдушки!»
(Себе и наделил другу́ великому князю Владимиру.)
Говорила тут Настасья да королевичня:
«Не пусты́м ли ты, Дунаюшко, ноньче хвастаешь?
Не много я в городи жила — много повидела:
Как на силу-ту, силу — Добрынюшки Микитича,
А на счасьё — старого козака Ильи Муромця,
А на смелость-ту — Але́шеньки Поповиця,
На богасьво-то — Дюка Степановиця,
А из туга лука стреле́ть — Настасья-королевичня.
Поставьте-ко нож за мерну́ версту́ —

И стре́лю я стрелой во булатной нож.
Ище́ кажна половиноцька на взгляд парна,
Как на взгляд парна́, она на вес ровна!»
За беду́ ёму козалось да за досадушку,
За досадушку козалось за великую!
Как пошли-то они на широкой двор,
Как поставили тут ножик за мерну́ версту́.
Как тут стре́лила Настасья-королевичня —
Розлетелосе стрелочка дубовая:
Кажд[а] п[оловиноцька на взгляд парна́],
Как на взгляд-то парна́ и на вес ровна.
Как стреляет тут Дунай сын Иванович.
Ище́ пе́рвой раз стрелил — не достре́лил ей,
А втор[ой]-от стрелил — да перестре́лил ей,
А ищо тре́тьей стре́лил — совсем не попал.
Закипело в ём серцё да молодецкоё,
Росходилось силушка боґатырьская!
Говорил он оттуда таково́ слово́,
Как вымал он стрелочку калёную:
(Тут уж взял не деревянную, а настоящую.)
«Полети́-ко-се, стрела моя калёная!
Ты не падай ни на воду, ни на землю —
Попади Настасье-королевичне в ретиво сердцё!»
Стала тут кнегина ёго упрашивать,
Как Опра́ксея стала уговаривать:
«Уж ты ґой еси, Дунай да сын Иванович!
Во хмелях-то, детинка, да зашибаишьси!»
Не поверил тут Дунай таковы́м слова́м.
Как спускаёт он ту’ калену́ стрелу́ —
Как попала тут Настасье да в ретиво серцё,
Как упала ле горюшица на сыру́ землю́!
Подбежал тут ведь Дунаюшко да сын Иванович,
Как выхватывал тут нонеце булатной нож,
Попорол он тут у Настасьи белы́ груди́ —
Как увидел тут два ребе́ноцка!
Поворацивал Дунай копьё тупым концём,
Навалилса он ведь грудью на востро́ копьё —
Упал Дунаюшко мёртвой.
(Пое́тся ещо конец.)

Не две струечки расходилися,
В одно место сходилися:
Есть Дунай-река и речка Настасья!..

(Зап. А. М. Астаховой 5 июля 1928 г.: д. Белощелье Лешуконского р-на — от Семёнова Максима Васильевича, 56 лет.)

Былины Севера. Т. 1 / Зап., вступ. ст., коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938.